

Поэтические страницы

Поэтическая магла Константина Кедрова

*К*онстантин Кедров в России вполне признан как философ, доктор наук, теоретик метафоры. Но в нашу «толстожурнальную» литературу его художественные тексты обычно не допускаются. Между тем сама текстуальная плоть всех его многочисленных книг, независимо от избранного жанра, не просто пронизана поэзией. Во всех своих превращенных качествах, расплавляя ли вступающие с нею в соприкосновение предметы или застывая, эта текстуальная плоть-магла самопроизвольно и как будто бы непредсказуемо рождает новую поэзию. Возьмем хотя бы только названия представленных в предлагаемой ниже стихотворной подборке произведений и расположим их в столбик — в нем строки-названия превращаются в исполненное характерной авторской поэтики стихотворение:

По комнате бродит медведь тишины
как закодировать свою судьбу
метаметафора
Парнас и Геликон
молитва — это корабль
пусть меня обнимает время
зеркальное дежавю
Я не ощущаю под собой ничего
Лобачевский
дирижер тишины
Данте
Язык будущего
Компьютер любви 2

Сами названия здесь — поэтические характеристики. Разве не есть автор одновременно «дирижер тишины», Лаокоон, управляющий невидимыми опутывающими его змеями непонимания? Путешествие по стихотворному миру Кедрова — сродни непредсказуемыми отсылками своими путешествию по Интернету. Отсюда не случаен «Компьютер любви», одно из наиболее известных произведений поэта, вполне вероятно, что это один из обликов поэзии XXI века.

Метаметафора, отражающая двуединство «человек—космос», осуществляется в поэзии Константина Кедрова как возможность моделирования процесса *вовнутрення* Вселенной. Условность внутреннего и внешнего, которая для обыденного человеческого сознания непреодолима, в поэзии перестает существовать.

Если глубоко вникнуть в стихотворения Кедрова, то из них вычитываются целые поэтические мыслительные панорамы и системы. К примеру, сама собой складывается картина Куликова поля отечественной словесности, где в роли Пересвета и Челубея оказались... Пушкин и Дантес. А сам поэт предстает в роли Верещагина нашего времени, с «Лермонтолета» обозревающего, как «залпы тысячи орудий / слились в протяжный вой Ивана Ильича / не хочу-у-у-у-у-у», — скорбно обозревающего груды черепов. Это калейдоскопическое обозрение горы фонетически или метафорически однокоренных слов имеет свою структуру. При всей кажущейся словесной эквилибристике глубина понимания законов бытия поражает:

Может быть гора кровавых тел
не может быть горою никогда
поскольку тело больше
чем гора любая.

Поэтому Кедров — художник «Апофеоза любви», а не смерти. Поле слово-боя разделено «нежной линией Мажино», и ахейцы держат риторическую оборону «у входа в Елену».

В истории «линия Мажино» осталась военно-декоративным, все время обходимым противником с тыла сооружением, оказавшись апофеозом «странной» войны. По полю боя именно такой войны бродят не менее причудливые призраки времени... Переживая состояние вовнутрення внешнего мира, мозг самого поэта, больше «не будучи спрессован черепом / расправляя извилины растекался небом». Освященное лучом поэтического прозрения мироздание, если направить взгляд к небу, внешне выглядит как вселенская газета («читаемая насквозь / каждая буква прозрачна до звезд»). Поэт существует, «космологей». В постигаемой в ходе такого процесса космологии «время это пространство, свернувшееся в клубок», а «вечность это недисциплинированное время».

Уровень космологичности Кедрова-поэта позволяет уловить ритм мироздания — то сжимающегося, — то разбегающегося в вечном Большом взрыве, порождающем Вселенную поэтического бытия. Его ритм укладывается в крестообразную мировую структуру.

Бытие и преодоление границ смерти, смерть и воскресение описываются языком шахматной игры. Подобно Набокову-шахматисту, Кедров проявляет большой интерес к шахматным этюдам, а не игре как состязанию. Так, в не вошедшем в предлагаемую стихотворную подборку этюде «Распятие» языком шахматного этюда описывается взаимодействие мировых религий:

На кресте
Христос рокируется
с Буддой
впадая в нирвану
Будда играет в шахматы
Все фигурки

к которым он прикасается
становятся Буддой
и тоже играют в шахматы
Невозможно понять
Будда
играет в шахматы
или
шахматы играют в Будду
Христос играет в шахматы —
все фигурки
к которым он прикасается
превращаются в распятия.

Если следовать устанавливаемой Кедровым логике инверсии (*инсайд-аут*) пространства мироздания сверху донизу, оттолкнувшись при этом от отношения автора к Пушкину-персонажу, то сам автор может предстать в качестве такого сказочного пушкинского персонажа, как Голова. Не к ней ли, обладающей возможностью стать всадником с головой, обращен призыв: «распрячься на мозговом коне»? Кстати сказать, Голова, по наблюдению В.А. Кошелева, единственный трагический персонаж поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

Но в данном случае речь идет об «Ура-трагедии» (так называется одна из коротких драматических поэм, в которой по-иному ставятся гамлетовские риторические вопросы). Сам Шекспир, выступающий тут вместе со Спинозой, Радищевым, Львом Толстым, Бетховеном, Мальтусом, Чайковским, Фрейдом, неизменным Пушкиным и другими (странно, однако, что среди них нет философов-лингвистов типа Витгенштейна), ставит вопрос следующим образом:

Быть?
Или быть «или»?
Или!

Личное открытие автор декларирует в своей поэтической «Конституции»:

Граждане имеют право быть
или не быть
граждане имеют право на или.

Кедров — мастер поэтического афоризма, мелькающего, подобно молнии, среди плотной дождевой стены чистой («литавры Таврии», «файное фа») звукописи:

Нотный стан — звуковая клетка для птиц
Птицы — ускользающие ноты...
Тишина — партитура, забитая нотами
до отказа.

Порой афоризмы имеют элементы своеобразного поэтического бустрофедона, как в «Палиндронавтике» — первая строка представляет собой посыл, вторая — возвращающийся к себе палиндром: «Господи пошли мне твой тихий стих / ХИТРО ОР ТИХ». Это позволяет охарактеризовать Кедрова в качестве поэтического аналога Ларошфуко. Ларошфуко, стремящегося к Паскалю, — в построенной с использованием математических знаков «Формуле любви» стрелка стремления людей друг к другу, множеству или бесконечности играет ключевую роль.

Таким образом, при очевидном стремлении возродить в русской поэзии насильственно прерванные традиции футуризма творчество Кедрова представляет собой просвещенческий тип культуры (на фоне объективно возрожденческой фигуры Вознесенского). Ибо традиции эти он не столько возрождает, сколько создает заново.

Когда-то Андрей Белый сравнивал себя с Третьяковым, открывающим дверь новому Пушкину. Кедров занимается аналогичной выработкой перспективного языка, разрушением «последнего условного знака». Этот открытый в будущее язык и будет способен «открыть птицам поэзию Маяковского», превращаясь в язык вселенской безусловности.

А.П. Люсый

По комнате бродит медведь тишины
Я заброшен сюда из другого светлого века
мне смешно когда 4 стены
на одного свободного человека
Нет я не строил клетку из кирпичей
Это не я придумал замазывать солнце стеклом
Люди, хотите я позову врачей
и они прикажут разрушить каменный дом
А я... я заброшен сюда из другого светлого века
для меня ваше здание — каменное ничто
Мне смешно,
когда на одного свободного человека
надевают железное и каменное пальто

Как закодировать свою судьбу

Судьба кодируется целью
цель должна быть
благородной
труднодоступной
высокой
Тогда жизнь будет
наполненной
счастливой
и долгой
Судьба кодируется ею

метаметафора —
амфора нового смысла
как паровоз
в одной лошадиной силе
как конница в паровозе

дебаркадер уже корабль
корабль уже дебаркадер

радуга из всех горизонтов
пчела утяжелённая
только полётом

как когорты снежинок
уходят в Галлию
отслаиваясь в сугроб
ледяной поступью
ступая по лету

Лето в Лето влетая
из лета в лето

ударяя в литавры таврии
тавромахии андромахи
над аэродромом
где все самолёты
давным-давно
улетели.

Парнас и Геликон (Анаграмма)

Сан и нас лик
Сон и нас глас
Глас и сна лик
Клир и лир сан
Парнас и рана
Гелиос
и
оса
Икона и лик
Геликон
Парнас про нас сон
Сила рок
и
Краса клир
Ангела лик
Клирос лир
Риск иска
Скала и рок гор
Ника и скала сил
Ласка голоса
Логос гор

Молитва — это корабль
плывущий сквозь наготу
молитвенная луна
и солнце из поцелуя
молитва — это корабль
с младенцами на борту
когда он плывет в любовь
кормой океан целуя
Всемирная тишина
не может все заглушить
нам кажется что мы есть
и этого очень много
У Шивы есть много рук
но он не умеет шить
у Бога есть много ног
но наша любовь двунога
Двуногая нагота
распахнута в горизонт
никто нигде не живет
все временно проживают
и только корабль любви
плывет через Геллеспонт
живые давно мертвы
но мертвые оживают

пусть меня обнимает время
невидимыми руками
как море обнимает
уплывающего пловца

пока пловец
обнимает море
уже нет времени
и пространства уже не стало
только бесконечная дверь
в бесконечной комнате
а я все открываю
и открываю

Зеркальное дежавю

Завязывая узел из пространств
я так и не заметил что однажды
преодолел в пространстве слово «транс»
и оказался здесь однажды дважды

Я вспомнил что уже пересекал
трамвайный путь
и впереди трамвая
я так же оступился между шпал
и выскочил
страх преодолевая

Я узнавал знакомые узлы
когда заранее знал что будет дальше
из будущего в прошлое разрыв
преодолен
и «позже» было «раньше»

Мне объяснил психолог
что порой
нам кажется
что мы здесь были в прошлом
так солнце
закатившись за горой
зайдет еще раз за ее подошвой

Потом я убеждался, что в Крыму
один закат мог повториться дважды
и трижды
если плыть вослед ему
вдоль берега
но это все неважно

Куда важнее узел из про-
транс творящий неизведанные связи —
нить времени, связующая нас
в сплошной узор из зазеркальной связи

Зеркальный узел двух слепящих тел
за отраженьем вяжет отраженье
Я
отражаясь
в зеркало влетел
и вылетел навстречу от рожденья

Все зеркала связующие нас
давно отражены в других пространствах
поэтому впадающие в транс
всегда обнажены в зеркальном транс

Узел из за-
зеркалья

Я не ощущаю под собой ничего
Говорят — земля
я вижу только ступни
Говорят — небо
я чую только чело
Между челом и ступнями
только чело и ступни

Грань ограняемого алмаза
надо мною и подо мной
Каждая фраза — лунная фраза
потому я пишу луной

Солнце говорит луне
— Здравствуй
Луна говорит солнцу
— До свидания
Таково небесное государство
под названием
Мироздание

Лобачевский

На чугунной плите написано:
«...член Общества Геттингенских
северных

антиквариев
почетный попечитель и многих орденов
кавалер...»
Ни слова о воображаемой геометрии

Над Казанью висят проливные дожди
мокнут на постаментах слепые вожди
только твой постамент
где на ниточках мысли
изумрудные листья
в пространстве повисли
где прозрачен решеток чугунный узор
и над временем твой опрокинутый взор

Если две параллельные линии сойдутся
если они сойдутся и пересекутся
схлестнутся на горле времени
тогда
тогда или когда
Он выводит формулы

прозрачные как хрусталь
пока хрусталики глаз не померкли

Тополиный пух упал на плечи
Лобачевский
ты плывешь сквозь вечность
в линзе выгнутой слились две параллели
линза — дзынь
Лобачевский, где вы?
Где вы? Где вы? Где вы? Где?
Сумма углов треугольника $< 2d$

— *Воображение в геометрии*
нужно не менее,
чем в поэзии —
записал Пушкин в своем дневнике
после встречи с Лобачевским в Казани

Бродя по улицам Казани,
о чем беседовали вы?
Что вы друг другу рассказали,
то не дано узнать живым.
О геометрии Вселенной
или о плавности стиха?
Ступали вы стопой нетленной
в пространство-время сквозь века.
Шаги, как эхо, отдаются
незавершенною стопой,
они еще пересекутся
в пределах вечности глухой

Дирижер тишины

Я — дирижер тишины
Оркестр — звуковая рама
Ноты — запретные плоды на древе познания
Все инструменты — варианты скрипичного
ключа

Нотный стан — звуковая клетка для птиц
Птицы — ускользящие ноты
Симфония — стая птиц
Опера — готика голосов

Пять горизонтов — линия нотного стана
Партитура — пашня, засеянная проросшими
нотами

Рояль — простор тишины
Арфа — силоч для звука

Скрипка — деревянный скрипичный ключ
Смычок — бродяга струн
Пальцы — бродяги клавиш
Клавиши — провалы молчания

Судьба — мелодия жизни
Душа — пространство между двумя мембранами
Барабан — христианский инструмент:
ударят в правую щеку — подставляет левую

Голос — сгусток воздушной ласки
Пение — ласка звуком
Струны — радуга звуков
Литавры — летающие мембраны

Классика — музыка людей для людей
Авангард — музыка ангелов для богов
Гармония — логика звука
Небо — партитура звезд
Галактики — скрипичные ключи
Луна и Солнце — литавры света

Земля — оркестровая яма
Тишина — партитура, забитая нотами до
отказа

Млечный Путь — линия ладони
Судьба — ладонь небесного дирижера
Ночное небо — приподнятая крышка рояля

Данте

Вы помните
еще ведь у Шекспира
или у Данте
Поступь Беатриче
Старик в безмолвии
изгнанник без любви
непримиримый
без нее он плачет
Вдруг поднимает сгорбленные плечи
и удаляется
Куда
Что это значит
Но вы прислушайтесь
он просто плачет
Я не о смерти речь
не о бессмертье
Но боль его попробуйте измерьте
когда один он принимает бой
Чтоб быть собой
он борется с собой
Тогда на грани новых преломлений
достигши вдруг неслыханных высот
кладет лицо —
к любимой
на колени
Нет
Голову кладет на эшафот

Компьютер любви 2

Память — это прошлое в настоящем
Настоящее — это прошлое в будущем

Прошлое — это будущее сегодня
Будущее — это сегодня в прошлом

Палиндром — это будущее и прошлое в
настоящем
Будущее и прошлое в настоящем — это
палиндром

Чудо — это возможность счастья
Счастье — это возможность чуда

Голос — это говорящая тишина
Тишина — это молчащий голос

Христос — это крест на теле
Тело — это Христос на кресте

Мертвые — это живые в прошлом
Живые — это мертвые в настоящем

Смертные — это бессмертные в настоящем
Бессмертные — это смертные в прошлом

Час — это секунда в прошлом
Секунда — это час в настоящем

Любовь — это радость двуединого тела
Радость — это двуединое тело

Тень — это внутренность света
Свет — это поверхность тени

Сила — это ума не надо
Ум — это не надо силы

Бездна — это музыка взвизга
Музыка — это призыв из бездны

Мозг — это мыслящая вода
Мысль — это след на воде оставленный Богом

Мысль — это радость воображения
Воображение — радость мысли

Бог — это человек в прошлом будущем
и настоящем
Человек — это Бог в будущем или прошлом

Интуиция — догадка человека о Боге
Мысль — догадка Бога о человеке

Платон — это Сократ в законе
Сократ — это Христос в Афинах

Миф — это исповедь Бога
Разум — это граница смысла

Прошлое — это настоящее невольно
покинутое
Будущее — это неожиданное и
невозможное

Мудрость — это понимание Бога
Бог — это возможность смысла

Философия — праздник смысла
Мысль — это улыбка Бога

Фашизм — это смерть в законе
Коммунизм — это законы смерти

Модель разума — смысл печали
Печаль разума — смысл модели

Дьявол — это ошибка Бога

Двое любящих — тело Бога
Море любящих — это двое

Море — это молитва звука
Звук — это молитва моря

Полнолуние — солнце мысли

Зеркало — это ответ из света
Линия — это граница между

Берег — это внешнее море
Море — это внутренний берег

Прошлое — это вчера сегодня
Будущее — это сегодня завтра

Градусник — это домкрат из ртути
Ртуть — это слеза металла

Мозг — это сгусток из моря мысли
Море — простор из извилин мозга

Тело — это смертное пламя
Пламя — это вечное тело

Время — это сегодня в прошлом
Вечность — это всегда сегодня

Язык будущего

Когда мы разрушим последний условный знак
и будут слова многомерней пространства
Минковского
мы научимся читать язык голодных собак
и откроем птицам поэзию Маяковского
И поделятся звери своей бессловесной мукой
и расскажут рыбы о том как они молчат
и расскажут камни обезличенные наукой
что никто не слышит как громко они кричат
Сообщение неба
сообщение сердца
сообщение ТАСС:
сейчас вселенная выступит перед вами
с краткой пятиминутной речью
И вселенная с нами заговорит
и язык у нее окажется человеческий